

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-5-22

УДК 101. 1:316

ФОРМУЛИРОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

Вершилов С.А.

Противоборствующие субъекты по-своему разумению афишируют тот или иной тип безопасности. Специфика её фиксации обуславливается сменой качественного положения стран. Это актуализирует потребность в методологическом обновлении понятия «безопасность». Полнота его формулирования зависит от продуктивности современных научных подходов анализа последней. Попыток представить исчерпывающую и непротиворечивую, но вместе с тем содержательную формулировку, раскрывающую заявленный в статье феномен, было предпринято немало. Стремление к их количественной демонстрации окажется избыточным, так как подобное является несоразмерной задачей, вуалирующей интересующий субстанциональный момент безопасности. Важно сконцентрировать внимание на тех её признаках, которые зафиксированы в подавляющем большинстве современных обозначений по данному поводу. Автор полагает, что необходимо постоянное переосмысление социумом применяемых средств, способов взаимодействия и форм объединения, в своём сочетании направленных на сбережение его жизнеспособности и недопущение нанесения ущерба ценностям.

Ключевые слова: *безопасность; жизнеспособность; интерес; понятие; порядок; репрезентативная практика; состояние; уязвимость.*

FORMULATION OF CONCEPT «SAFETY» THROUGH IN THE LIGHT OF CONTEMPORARY SCIENTIFIC POINT OF VIEW

Vershilov S.A.

Contradictory subjects in their own way of understanding advertize this or that type of safety. Specifics of its fixing is caused by changing of qualitative position of countries. It ac-

tualizes a requirement for methodological updating of the concept «safety». Completeness of its formulation depends on the productivity of modern scientific approaches analysis of the last. There were quite a bit attempts undertaken to present exhaustive and consistent, but at the same time substantial formulation opening the phenomenon declared in the article. The aspiration to their quantitative demonstration will be superfluous as similar is the disproportionate task, veiling of interest the substantial moment of safety. It is important to concentrate attention on those its signs which are fixed in the majority of modern designations in this occasion. The author supposes that continuous reconsideration by society of the applied means, ways of interaction and forms of association, in the combination directed on saving of its viability and prevention of causing damage to values is necessary.

Keywords: *concept; interest; order; safety; state; representative; practice; vitality; vulnerability.*

Показ потребности эвристического осмысления понятия «безопасность» предусматривает укоренение существенных порядков последней. И это не столь ординарный вопрос, требующий своего настоящего разрешения, поскольку имеется значительное количество определений безопасности. С одной стороны, такое многообразие её трактовок объясняется тем, что она выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. С другой – и сам подход к ней во многом обусловлен исследовательскими установками не только философов, но и экономистов, социологов, политологов, историков, культурологов, юристов и др.

Последующее изложение плана действий предполагает конкретизацию логически расчлennой общей мысли о безопасности. Имеется существенное количество научных работ в этой сфере знания, вобравших в себя обоснованные конвенциональные концепции. Некоторые из них, отражающие максимальную рефлексивную сосредоточенность, относятся к философским трудам, посвящённым рассмотрению ключевых вопросов общей теории безопасности. Так, заслуживает внимания трактовка проблемы безопасности через призму системно-функционального алгоритма Н.В. Михалкина: «Безопасность – это понятие, отражающее такой уровень <...> общественных отношений, материальных и духовных возможностей, способностей её народа, которые обеспечивают процесс устойчивого <...> развития социума, реализацию выбранного им пути жизнедеятельности» [7, с. 10-11].

В.И. Ярочкин подразумевает, что безопасность отражает стремление субъекта к установлению и поддержанию правил поведения нации и бытия её учреждений, гарантирующих сохранение их качественной стабильности совместно с объективно актуализированными нововве-

дениями [17, с. 104]. Примерно такую же позицию занимает С.С. Антюшин, хотя к указанному он добавляет «соответствующее собственной природе и ею определённое функционирование» [2, с. 42-47]. Для А.Б. Жбанкова безопасность выступает в качестве положения, обеспечивающего безотговорочную и плодотворную взаимосвязь всех общественных структур на основе неукоснительных – естественно, объединяющих – стандартов деятельности, мышления и поведения субъекта [4, с. 342-349].

Важно зарегистрировать принципиальное отношение к рассматриваемому понятию А.Ю. Моздакова и Ю.В. Фетисовой. Первый представил его атрибутом социальной системы, преломляющимся в её целостности, автономности и стабильности [8, с. 25]. Вторая выказала уверенность о связи концепта «безопасность» с государством, вплоть до полного отождествления их с обеспечиваемыми специализированными органами, общественным порядком и обороноспособностью [14, с. 11]. То же самое, касаясь, правда, только политической сферы, утверждает И.В. Юрченко: «Сущность безопасности сводится к базовому концепту надёжности функционирования предметов политической природы» [16, с. 157]. К сожалению, порядок в мире таков, что угроза катастрофы может «захватить» социум в любой момент и повсюду. В такой ситуации все оценки о пребывании безопасности – лишь суждения о её качестве, сама же она неизбежно относительна и тем самым, безусловно, недостижима.

Небезынтересно разъяснение анализируемого явления И.В. Радиковым. Для него безопасность – это глобальная ценность всего человечества, сущность и причина действия, поведения и мышления каждого человека [11]. Здесь важно уточнить позицию мыслителя. Стремление к самосбережению стало одной из причин интеграции социума в сообщества с одновременным образованием силовых структур. Кроме того, оно детерминировало создание различных международных организаций, актуальных для превращения сущего – по сути, опасного – бытия людей в их должное пространство.

Необходимо конкретизировать продемонстрированные подходы по поводу характеристики безопасности точками зрения П.В. Агапова и Э.П. Литвинова. Исследователь, чья фамилия заявлена первой, анализирует её через «устойчивое состояние социальной системы, сохраняющей свою целостность и способность к развитию даже в условиях неблагоприятных внутренних и внешних опасностей» [1, с. 29]. Э.П. Литвинов же справедливо полагает, что безопасность – это «состояние сложных социальных систем, обеспечивающее и гарантирующее сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели и тех <...> условий, которые этому способствуют» [5, с. 71].

Для всех указанных формулировок безопасности характерны, как минимум, два аспекта. *Первый* даёт возможность интерпретировать их посредством едва ли не самым протяжённым явлением – состоянием, становящимся логически расчленённой общей мыслью. Это предусматривает осознание интересующего вопроса сквозь призму взаимосвязанных представлений: *безопасности в качестве состояния; состояния государства; состояния безопасности; и состояния безопасности государства. Второй аспект* укоренён со сбережением идентификации социума – его защищённостью. Обоснование данного пункта заключается в том, что безотносительность принципа стабильности по отношению к кому-чему-либо обязательно поспособствует проявлению элементов «вялости» в интересующих делах, что само по себе таит опасность для них. В этой связи необходимо «расшить» оба аспекта определений, раскрывающих сущность и содержание безопасности, начав с первого.

Категория «состояние» достаточно подробно запечатлена в философской рефлексии. Для последующего её исследования правомерно воспользоваться вербальной формулой выражения мысли, имеющейся в Новой философской энциклопедии. *Состояние – это «совокупность основных параметров и характеристик какого-либо объекта, явления и процесса в определённый момент (или интервал) времени»* [9, с. 600]. По этой причине актуально пояснение: бытие таких «объектов, явлений и процессов» предстаёт в пределах развёртывания и последовательной смены их положений.

Особо значима указанная осведомлённость в описании системы, подверженной изменениям, поскольку она «оживляет» в тот или иной момент незаурядные качества, регистрирующие её поведение. Законы динамики порядка и есть не что иное, как правила взаимосвязи состояний в пространственно-временном отрезке, а их последовательную смену принято характеризовать посредством детерминизма. Словом, некое начальное проявление конструкции в совокупности с внешними значениями и есть причина её грядущих положений. Поэтому представление о рассматриваемом понятии оказывается приемлемым для восприятия противоречивого бытия, развития и проявления *безопасности в качестве объекта.*

Требует непреложного прояснения и другая, отмеченная ранее мысль – это *состояние государства.* Под ним следует понимать *характерный исторический период развития политической целостности, созданной конкретной общностью на определённой территории, где с помощью элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право применения насилия.* В этой связи данное явление, наравне с понятием «состояние», занимает значительное место в исследовании вопросов безопасности, подлежащих разрешению. Разумеется и то, что *состояние государства* в таком качестве выступает резуль-

татом исторических – оригинальных – отношений между устройствами всех сфер жизнедеятельности социума.

Состояние безопасности – демонстрация качественного положения общества, государства, социальных групп и отдельной личности в определённый временной интервал. Обстоятельства взаимодействия указанного, несомненно, имеют конкретную пригодность. Вместе с тем характеристики безопасности не замыкаются «в себе», поскольку обнаруживают проявление всвязи с проникновением в свойства иных объектов. Следовательно, посредством оценки «состояния безопасности» открывается возможность адекватно рассматривать интересующие социальные процессы, а также плодотворно интерпретировать деятельность, поведение и мышление полномочных «агентов» власти.

Наконец, *состояние безопасности государства* важно толковать в качестве *положения институциональных учреждений, их структур и взаимодействий*, опять же – в конкретном промежутке времени. Это, в свою очередь, предполагает акцентирование внимания на основополагающей материи его бытия – целостности. Подобное, в уточнённых пределах, предоставит комфортный шанс осознать степень уязвимости защиты и обороны политической организации страны, что, естественно, продуктивно скажется и на её безопасности.

Рассмотрение *второго аспекта* приведённых формулировок понятия «безопасность» также требует своего уточнения. Совершенно устойчивый – привычный – порядок непременно несёт в себе безупречное мысленное отвлечение, выражая, помимо всецелой неподвижности сочетания его элементов, ещё и их обособленность от постороннего влияния. Равно как подобная константность не является характерной и для «безмолвной» системы, утратившей внутренний ход развития, поскольку её разрушение непременно произойдёт от напряжений извне – всё дело во временном интервале. Значит, не каждое положение государства подразумевает необходимость его сбережения, но непременно такое, которое плодотворно обеспечивает своё бытие. Безопасность не должна быть препоной складывающейся – позитивной – модернизации, наоборот, её предназначение заключается в том, чтобы вовремя справиться с изжившим себя жизненным устройением, но обязательно без напряжений для социума.

Вместе с тем само наличие какой угодно системы уже влечёт за собой предпосылку к утверждению маломальского уровня устойчивости. Как представляется, не существует потребности в том, чтобы сделать самодовлеющим в полной мере и пространство дестабилизации, обнаруживающееся, особенно, во внешнем выражении огульного отрицания. Именно *безопасность в качестве состояния сбережения* служит опорой для установления равновесия между негативным влиянием на тот или иной объект извне и его возможностями и стремлением спра-

виться с возникшей трудностью. Это производится с помощью имеющегося потенциала или посредством надлежащих, исключительно для этого сформированных институтов.

Значительно количество работ, где сущность безопасности представляется через «защищённость кого-чего-либо от опасностей». С одной стороны, утверждения авторов этих изысканий достаточно близки, а в чём-то даже подобны ранее афишированным толкованиям анализируемого понятия, например, П.В. Агаповым и Э.П. Литвиновым. С другой – забвение их позиций по интересующему вопросу стало бы ошибочным. Так, В.С. Хомякова полагает, что «безопасность» в качестве внутреннего противоречия объектов, явлений и процессов выступает одним из источников общественного развития, а взаимное преобразование их изменений – формой защищённости государства [15, с. 14]. Подразумевается, что раскрытие рассматриваемого понятия сквозь «защиту» существенно умеряет его восприятие. Ведь защитить – равно как и отдалиться от опасности. И если в диахронном срезе такой способ содействовал установлению безопасности государства, то в эпоху глобализации «опустить плотный занавес» перед кем-либо, не представляется возможным.

В контексте подхода В.Г. Выговской «безопасность» определяется как защищённость интересов от внутренних и внешних угроз для стабильного существования россиян [3, с. 760]. Но её не следует сводить только к устранению имеющихся или потенциальных прямых и адресных разновидностей опасности, поскольку заступники «рисуют» лишь прерывистые очертания, в то время как интерпретируемое явление – константно. То, что служит обороной заранее «обнаруживает» присутствие нежелательных событий, и тогда установка на ограждение от неприятных действий кого бы то ни было вызывает противоборство. В свою очередь образ мыслей субъектов о желательных фактах, наоборот, включает в себя относительное единомыслие. Вдобавок ко всему даже обладание повышенным ресурсом сбережения не вызывает внушающего доверия к речательству безопасности объекта.

Наконец, объём понятия «безопасность» достаточно вместителен, так как он помимо прочего генерирует также предотвращение, пресечение, ослабление, отражение и, по сути, относительное уничтожение угрозы катастрофы. С одной стороны, при пристальном внимании к значению слова «защита» обнаруживается только одна составляющая указанного в предыдущем предложении процесса. С другой – умалется роль остальных компонентов безопасности. В эпоху же глобализации большинство государств продолжает пропагандировать защиту в качестве приемлемой для репрезентативной практики носителей полномочий, предусматривающей максимальное предохранение от вреда.

К подобной точке зрения как раз и приникают некоторые зарубежные исследователи, рассматривающие безопасность государства посредством категории «уязвимость». Согласно Г. Киссинджеру, защита есть «необходимое и динамичное состояние относительной неуязвимости, регистрирующее особенности отношений с внешним миром» [19, р. 124]. Но поскольку ранимость – это слабость, где легче всего найти недостатки, постольку зафиксированная им формулировка означает не что иное, как конкретную утрату государственной системой положительных качеств под влиянием «недружелюбной» внешней действительности «социального происхождения». Становится понятной и фраза «особенности отношений с внешним миром»: политика двойных стандартов доминирует в коммуникации США с остальными международными субъектами.

Следующий подход к уяснению безопасности вмещается в интерпретацию сквозь динамический контекст. Так, С.М. Мандрыка афиширует её как «способность и активную деятельность государства по защите жизненно важных интересов российского социума и противостоянию вызовам и угрозам, генерируемым состоянием современной стратегической нестабильности» [6]. В целом автор солидарен с подобным толкованием, но не во всём. Во-первых, в нём отсутствует существенный момент: утверждение о необходимости предупреждения, ослабления и относительного устранения опасностей для социума – просматриваются лишь защита и противостояние им. Во-вторых, безопасность не только процесс, но и праксиологическая скрепа, отражающая итог мышления, деятельности и поведения её агентов по предотвращению урона.

Необходимо подчеркнуть, что воззрения В.Г. Выговской, С.М. Мандрыки, В.С. Хомяковой, З. Бжезинского, Г. Киссинджера, А.-М. Слотер и др. описывают объективную картину безопасности. Нелишне представить и субъективный аспект исследуемого явления. Эту позицию, например, занимает Н.Н. Рыбалкин, для которого «ощущения субъектов, что им ничто не угрожает, отсутствуют причины для беспокойства – и есть безопасность» [12, с. 12]. Очевидно учёный делает акцент на переживаниях человека, связанных с его ситуативным и перспективным статусами. Не следует предавать забвению такую демонстрацию безопасности, но вряд ли она претендует на продуктивное её рассмотрение без объективной подоплёки. Указанное требует некоторой аргументации.

Субъективный показ безопасности оказывается в виде своеобразных изначальных психических структур, лежащих в основе коллективного бессознательного – архетипов. Представляется, что не само наличие опасностей, но непременно их объективный образ должен приниматься в расчёт при установлении их негативных величин. Лишь непредвзятая ситуация,

которая способствует выявлению социумом «виноватых» личностей, заставляет его «войти» в положение адресного напряжения. И всё-таки подобное ощущение безопасности, пусть и в малой толике, также оказывается не лишённым субъективизма.

По этой причине для носителей рассматриваемого явления становится присущим искажённое осознание имеющихся негативных явлений. Его крайние – противоположные – восприятия пребывают достаточно далеко относительно друг друга: от пренебрежительного отрицания через умаление до намеренного преувеличения «беды» заинтересованными агентами. Подобное укореняет притворные способы достижения причинённых целей, приводит к возникновению новых нежелательных обстоятельств государству и влечёт за собой выделение дополнительных – непозволительно значительных – средств для установления приемлемого уровня безопасности. Поэтому её субъективная реализация может стать привлекательной лишь в случае беспристрастного уяснения существующих и потенциальных опасностей во всех их формах.

Подытоживая рассмотренное сочетание интенций исследователей по поводу понятия «безопасность», следует отметить, что любое из них подразумевает гарантию бытия. Это вразумительно, так как позволяет «расшить» какое-либо её пространство. В то же время, подразумевая интерпретацию их точек зрения, автор солидаризируется всё-таки с характеристиками П.В. Агапова, С.С. Антюшина, Э.П. Литвинова и И.В. Радикова, трактовавших безопасность в качестве состояния деятельности, поведения и мышления социума.

Вскрытые толкования указанных мыслителей анализируемого явления предполагают актуализацию, как минимум, трёх его порядков. Среди них: а) относительное отсутствие опасностей; б) удовлетворительный запас устойчивости конкретных объектов к ним; в) способность и стремление субъектов выявлять, предупреждать и ликвидировать (минимизировать) данные опасности и предотвращать урон ценностям объекта на основе своей деятельности, поведения и мышления. Характеристика безопасности станет более насыщенной, если зафиксировать ещё одно её обыкновение – положение репрезентативной практики агента, которое осталось вне поля зрения специалистов по интересующему вопросу. Поскольку репрезентация впервые включается в исследовательское пространство безопасности, постольку возникает потребность в её конкретном объяснении.

Первая попытка обобщения понятия «репрезентация» (англ. «representation» – представление) была предпринята Ч. Пирсом, обозначившим операцию отражения или замещения объекта интерпретантой [10, с. 113]. Значение данного термина, которое будет применено в работе в качестве представления смыслов, выступает одним из востребованных в современных зарубежных социально-философских концепциях, особенно в британской школе «культурных

исследований» («cultural studies»). Так, представитель этого направления – С. Холл измеряет репрезентацию в качестве процесса, на основе которого субъекты безопасности применяют язык для создания значений (под языком понимается сочетание всех, без исключения, знаковых приёмов вербального и невербального общения). Учёный полагает: «Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе – он рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов и зависит от культурного контекста» [18, p. 69].

По поводу сказанного А.Р. Усманова замечает: «Репрезентация – это ключевая культурная практика <...> внедрения до- и вне-семиотических феноменов в мир безопасности: вне репрезентации просто ничего не существует» [13, с. 51]. Подобная точка зрения выступает наиболее продуктивной: в ней репрезентация вбирает в себя знаковое обобщение, ведь разговор проистекает о внедрении до- и вне- семиотических феноменов в пространство безопасности, проявляющейся объективно. Возможно и «обособленное» восприятие этих практик при осмыслении репрезентации в качестве средств социума, применяемых им для установления того или иного уровня безопасности.

В этой связи следует воспринимать семиотизацию и репрезентацию не в дифференциации и не интеграции одного в другое, но обязательно – во взаимодействии. Первая включает в себя некоторые качества репрезентации, в то время как последняя на предыдущей основывается, как бы «проистекая» из неё. Такой подход будет способствовать более углубленному рассмотрению понятия «безопасность». Ведь он включит в себя постоянное переосмысление социумом применяемых средств, способов взаимодействия и форм объединения, в своём сочетании направленных на сбережение его жизнеспособности, недопущение нанесения ущерба ценностям.

Таким образом, *безопасность* – это состояние репрезентативной практики социума, позволяющее зафиксировать его качественную жизнеспособность в пределах прочного бытия, непрерывного развития и плодотворного проявления на причинённую цель, а также те объективные обстоятельства, которые содействуют подобному.

Список литературы

1. Агапов П.В., Добренёв В.И. Война и безопасность России в XXI веке. – М.: Альма-Матер, 2011. 224 с.
2. Антюшин С.С. Безопасность России – в центре внимания // Военно-философский вестник. 2010. № 4. С. 42-47.

3. Выговская В.Г. Безопасность в языковом сознании россиян // Молодой учёный. 2015. № 4. С. 760-763.
4. Жбанков А.Б. Понятие безопасности в социально-философской мысли // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 342-349.
5. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1(7). С. 66-73.
6. Мандрыка С.М. Государственная безопасность России в условиях современной стратегической нестабильности (социально-философский анализ). Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – М., 2008. 20 с.
7. Михалкин Н.В. Безопасность Российской Федерации. Вопросы теории и практики. – М.: МО РФ, 1993. 114 с.
8. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18-25.
9. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – М.: Мысль, 2010. Т. 3. 692 с.
10. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. 448 с.
11. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? URL: www.rudocs.exdat.com/docs/index-421272.html (обращение 24.02.2014).
12. Рыбалкин Н.Н. Философия безопасности. – М., 2006. 296 с.
13. Усманова А.Р. Репрезентация как присвоение: к проблеме о существовании Другого в дискурсе // Топос. 2001. № 4. С. 50-66.
14. Фетисова Ю.В. Культура безопасности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2009. 21 с.
15. Хомякова В.С. Безопасность как фактор устойчивого развития: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Чита, 2007. 21 с.
16. Юрченко И.В. Безопасность как базовый концепт политической стратегии инновационного развития современной России. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2008. 164 с.
17. Ярочкин В.И. Теория безопасности / В.И. Ярочкин, Я.В. Бузанова. – М.: Академ. Проект: Фонд «Мир», 2005. 174 с.
18. Hall S. The work of Representation // Representation: Culture Representation and Signifying Practices. The Open University: Milton Keynes, 1997. Pp. 13-74.
19. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – N.Y.: Penquin Press, 2014. 432 p.

References

1. Agapov P.V., Dobren'kov V.I. Voyna i bezopasnost' Rossii v XXI veke [War and safety of Russia in the XXI century]. – M.: Alma-Mater, 2011. 224 p.
2. Antyushin S.S. Bezopasnost' Rossii – v tsentre vnimaniya [Safety of Russia – in a spotlight] // Voenno-filosofskiy vestnik, no. 4 (2010): 42-47.
3. Vygovskaya V.G. Bezopasnost' v yazykovom soznanii rossiyan [Safety in linguistic consciousness of Russians] // Molodoy uchenyy, no. 4 (2015): 760-763.
4. Zhbankov A.B. Ponyatie bezopasnosti v sotsial'no-filosofskoy mysli [The concept of safety in a socially-philosophical thought] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, no. 1 (2010): 342-349.
5. Litvinov E.P. Filosofskie osnovy kontseptsii bezopasnosti [Philosophical bases of the conception of safety] // Prostranstvo i vremya, no. 1 (2012): 66-73.
6. Mandryka S.M. Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh sovremennoy strategicheskoy nestabil'nosti (sotsial'no-filosofskiy analiz) [State safety of Russia in the conditions of modern strategic instability (socially-philosophical analysis)]. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – M., 2008. 20 p.
7. Mikhalkin N.V. Bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii. Voprosy teorii i praktiki [Safety of Russian Federation. Questions of theory and practice]. – M.: MO RF, 1993. 114 p.
8. Mozdakov A.Yu. Ponyatie bezopasnosti v klassicheskoy i sovremennoy filosofii [The concept of safety in the classical and contemporary philosophy] // Voprosy filosofii, no. 4 (2008): 18-25.
9. Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopaedia]. V 4-kh v. – M., 2010. Vol. 3. 692 p.
10. Pirs Ch.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. – M.: Logos, 2000. 448 p.
11. Radikov I.V. Bezopasnost' cheloveka: real'nost' ili fiktsiya? [Human safety: reality or fiction?] URL: www.rudocs.exdat.com/docs/index-421272.html (obrashchenie 24.02.2014).
12. Rybalkin N.N. Filosofiya bezopasnosti [Philosophy of safety]. – M., 2006. 296 p.
13. Usmanova A.R. Reprezentatsiya kak prisvoenie: k probleme o sushchestvovanii Drugogo v diskurse [Representation as assignment: to a problem about existence of Another in a discourse] // Topos, no. 4 (2001): 50-66.
14. Fetisova Yu.V. Kul'tura bezopasnosti [Culture of safety]: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. – Omsk, 2009. 21 p.
15. Khomyakova V.S. Bezopasnost' kak faktor ustoychivogo razvitiya: sotsial'no-filosofskiy analiz

- [Safety as a factor of sustainable development : socially-philosophical analysis]. Avtoref. dis. ...
kand. filos. nauk. – Chita, 2007. 21 p.
16. Yurchenko I.V. Bezopasnost' kak bazovyy kontsept politicheskoy strategii innovatsionnogo razvitiya sovremennoy Rossii [Safety as a basic concept of political strategy of innovative development of modern Russia]. – Krasnodar: Izd-vo KubGU, 2008. 164 p.
17. Yarochkin V.I. Teoriya bezopasnosti [Theory of safety] / V.I. Yarochkin, Ya.V. Buzanova. – M.: Akadem. Proekt: Fond «Mir», 2005. 174 p.
18. Hall S. The work of Representation // Representation: Culture Representation and Signifying Practices. The Open University: Milton Keynes, 1997. Pp. 13-74.
19. Kissinger H. World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History. – N.Y.: Penquin Press, 2014. 432 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Вершилов Сергей Анатольевич, доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов, кандидат философских наук, доцент
*Филиал Военного учебно-научного центра ВВС «ВВА» (г. Краснодар), Россия
г. Балашов, Саратовская область, 412303, Россия
vershil@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vershilov Sergey Anatolievich, Associate Professor of combat training and flight safety, PhD,
Associate Professor
*Branch of the Air Force MTSC «MAA» (Krasnodar), Russia
Balashov, Saratov region, 412303, Russia
vershil@mail.ru*